

Таможенный тариф на полупродукты и бумагу.

Разногласия между работниками бумажной промышленности по вопросу о таможенных ставках на бумагу и, особенно, на полуфабрикаты, в значительной степени обусловлены различием взглядов на ту роль, которую играет для развития отечественной промышленности монополия внешней торговли. Ряд работников полагает, что при наличии этой монополии теряет смысл установление пошлин: поскольку при плановом хозяйстве будет разрешаться к ввозу лишь то количество товаров, которое не сможет быть выработано фабриками Союза, поскольку в том же плановом порядке будет вестись и новое промышленное строительство—пошлина не нужна для защиты промышленности. За ней сохраняется чисто фискальный характер. Мы не будем приводить доводов ни за, ни против этого мнения и только укажем, что оно существует, а особенно отметим, что это мнение решительно отвергнуто руководителями нашей экономической политики.

Монополия внешней торговли незыблема, но охрана развития промышленности должна быть полностью осуществлена таможенными ставками. Таково задание, которым мы должны руководствоваться при пересмотре существующего таможенного тарифа.

Бумажная промышленность — термин неточный, ибо фактически она объединяет и производство самой бумаги и картона, как конечных продуктов, и производство целлюлозы и древесной массы—основных полуфабрикатов для производства этих конечных продуктов.

Наши предприятия частью являются вполне комбинированными, т.-е. в одном предприятии объединяются производства бумаги, целлюлозы и древесной массы; частью они являются полукомбинатами, т.-е. вырабатывают бумагу и один из полупродуктов, и, наконец, имеется значительное количество не только мелких, но и крупных предприятий, совершенно не вырабатывающих полупродуктов, т.-е. чисто переделочных.

При этих условиях, очевидно, вопрос о таможенных ставках на полуфабрикаты должен был возбудить наибольшие разногласия. Все переделочные предприятия, а также и те из комбинированных, которые имеют недостаточное производство полуфабрикатов, отстаивали или минимальную пошлину, или полное снятие их на полупродукты, ссылаясь на то, что установление пошлин при абсолютном недостатке собственного производства полуфабрикатов является только тяжелым и ненужным налогом на

производство бумаги. Они указывали, что не только повышение ставок на полупродукты, но и сохранение существующих пониженных ставок при уже выявившемся удорожании производства должно будет повлечь за собой или убыточность переделочных фабрик, или повышение цен на бумагу, едва ли допустимое в тот момент, когда промышленность должна всеми мерами стремиться к понижению продажных цен.

Представители Бюро Съездов бумажной промышленности определили, что переплата на пошлинах для ближайшего пятилетия выразится в 35 миллионов рублей. Эта сумма по их мнению путем отказа от пошлин на полупродукты должна быть сохранена за бумажной промышленностью которая направит ее на новое строительство. Одновременно они указывали на то что в Союзе почти нет самостоятельных полупродуктовых заводов. Единственный такой завод—Свердловский—отдает почти всю свою продукцию на фабрики своего же треста. Что же касается древесно-массных заводов, то в данный момент самостоятельных сколько-нибудь значительных заводов нет, и нельзя предполагать, что отдельные древесно-массные заводы возникнут в будущем. Ссылки на необходимость пошлин для развития производства полупродуктов они отводили заявлением, что с момента возникновения новых полупродуктовых предприятий Наркомторг соответственно понизит контингент импорта целлюлозы и древесной массы.

Как я указал в начале статьи, такой отвод формально неприемлем, но он столь же неприемлем и по существу.

Первый вопрос: возможно ли экономическое развитие в Союзе самостоятельного производства целлюлозы и древесной массы, т.-е. можем ли мы выработать эти полупродукты по цене, близкой к средне-мировой, и оправдается ли раздельное существование полупродуктовых заводов от фабрик, вырабатывающих конечный продукт—бумагу?

На первую часть этого вопроса сами сторонники беспошлинного ввоза полупродуктов отвечали положительно и утверждали даже, что уже в настоящее время фабрики могут производить полупродукты по цене, близкой к заграничной. Правда, это утверждение было отвергнуто громадным большинством членов ТЭС'а, но и последние согласились, что для ближайшего будущего можно быть уверенным в достижении одинаковой с заграничной себестоимости полупродуктов.

Вторая часть вопроса решается в зависимости от признания прав на существование не только отдельных полупродуктовых заводов, но и самих переделочных бум. фабрик, работающих на отечественных полупродуктах, а не на импортных. Но, ведь, едва ли кто-либо станет отрицать право на существование предприятий последней категории, или утверждать, что эти предприятия должны базироваться обязательно на импортных полупродуктах. Одним этим уже доказывается необходимость существования отдельных полупродуктовых заводов. Тем более, что до сих пор признается неоспоримой истина, что крепкую промышленность можно строить только на базе крепкого производства полупродуктов.

Но, может-быть, у нас имеются какие-то особые условия, делающие такое производство нерентабельным, невыгодным? И по довоенным данным

русские фабрики фактически экспортировали целлюлозу в значительном количестве, и ориентировочные расчеты последних лет показывают, что наличие мощной базы очень дешевого сырья обеспечивает нашу конкурентноспособность на мировом рынке целлюлозой. А если мы конкурентноспособны на мировом рынке, если основные запасы баланса сосредоточены как раз на далеком северо-востоке, то, конечно, не может быть и спора о целесообразности строить там целлюлозный завод. Сравнительная выгода переработки этой целлюлозы в бумагу в отдельных сырьевых районах или перевозки этой целлюлозы на передельные фабрики, расположенные ближе к центру потребления, определяется не только высотой железнодорожного тарифа, но и рядом других условий, а именно—наличием рабочей силы, прожиточным минимумом в том или другом районе, и вообще наличием всего комплекса условий, необходимых для организации в данном месте выработки бумаги. Даже производство газетной бумаги мыслимо на привозной целлюлозе.

Сложнее вопрос о древесной массе. Бесспорно, что выработка газетных и низких печатных бумаг гораздо рентабельнее в комбинации с древесно-массными заводами, но употребление привозной массы, особенно сырой, не исключается, а кроме того, наш сортамент, а следовательно и потребление древесной массы далеко не ограничивается газетной бумагой.

До сих пор большое количество древесной массы ввозилось из-за границы—почти исключительно из Финляндии и Скандинавии, где она вырабатывается на дешевой водяной силе. Дешевизна энергии—обязательное условие для возможности существования отдельных древесно-массных заводов. Пока такой дешевой энергии мы не имеем; не имели и до войны, исключая мелкие полукустарные фабрики, работающие на водяной силе. Но этим еще не доказано, что дешевую энергию мы не будем иметь и впредь. Прежде всего новейшие достижения в области паросилового хозяйства уже в значительной степени уравнивают себестоимость паровой и водяной силы, особенно для отдаленных районов, где древесное топливо являлось отбросом при заготовке пиловочника и балансов, не имеет сбыта и может быть получено по очень дешевой цене для кочегарок; заготовка и вывоз из леса этого отброса преуказывается и рациональным ведением лесного хозяйства. •

Вторым источником получения дешевой энергии являются отбросы лесопильного производства, которые, повидимому, обеспечат рентабельную комбинацию древесно-массного производства с лесопильным. Поэтому мне кажется бесспорной целесообразность существования самостоятельных полупродуктовых заводов¹⁾. А если это так, то производство целлюлозы и древесной массы в отношении их охраны таможенным тарифом должно рассматриваться так же, как рассматривается производство бумаги.

Могут спросить: если в пределах СССР могут вырабатывать целлюлозу и древесную массу по себестоимости, равной заграничной, то для чего настаивать на пошлине? Но вопрос такого рода с одинаковым правом может быть распространен и на производство бумаги. Мы все одинаково

утверждаем, что в пределах СССР мы сможем выработать бумагу по цене, близкой к средне-мировой. Но когда мы это сможем? Тогда, когда заново перестроим жизнеспособные старые предприятия или построим технически совершенные новые.

Эта оговорка в равной мере относится как к бумаге, так и к полу-продуктам. Тогда мы будем говорить о понижении, а, может-быть, и о снятии пошлины. Но ни одна отрасль промышленности не существует независимо от других. Продукция каждой отрасли в большой мере обуславливается стоимостью продукции остальных отраслей. Для бумаги—это стоимость машин, металла, химических материалов.

Вот когда по всем этим статьям мы хотя бы приблизимся к европейским нормам, тогда мы смело будем говорить о полном снятии пошлины, а до тех пор надо исходить из существующих условий, эти условия тщательно учитывать и оберегать существующее у нас полупродуктовое производство, которое только в последние годы начало энергично развиваться. До сих пор оно отставало в темпе от роста производства бумаги.

Я сказал, что в деле охраны по существу ссылка на монополию внешней торговли неубедительна. Неубедительна ссылка и на плановое хозяйство. Плановое хозяйство не создается декретом; оно строится в течение ряда долгих лет. Прорывы в нем были неизбежны в прошлом, неустранимы и в ближайшем будущем. Ни один хозяйственник, способствуя развитию промышленности, не сможет ориентироваться только на монополию внешней торговли. Если он может получить древесную массу и целлюлозу по более дешевой цене, чем та, которую показывает ему калькуляция собственной продукции, конечно, у него отпадет большая доля охоты затрачивать средства на развитие этой части дела; неизбежно создается психология, как раз обуславливающая всяческие прорывы в плановом хозяйстве.

Еще одно существенное замечание: за импортные полупродукты мы платим валютой, которую получаем по официальному курсу. Говорим ли мы о высоте пошлин, сравниваем ли себестоимость заграничных и отечественных товаров,—мы считаем доллар равным 1 руб. 94 коп. червонных. Формально это правильно, но лишь до тех пор, пока мы можем экспортировать столько, сколько нужно импортировать. Если же соотношение между импортом и экспортом изменяется, указанное равенство перестает быть равенством. Производство внутри страны делается необходимостью, а таможенные ставки, казавшиеся высокими—фактически понижаются.

По всем этим соображениям М. Пленум ТЭС'а, во-первых, признал, что целлюлоза и древесная масса должны рассматриваться как товары наравне с бумагой, и, во-вторых, сравнив фактическую себестоимость их на фабриках Союза с ценой импортной целлюлозы и древесной массы франко-граница, наметил, как минимальный размер таможенных пошлин 2 руб. за 100 кг. на древесную массу, 3 руб. для небеленой целлюлозы и 6 руб. для беленой целлюлозы.

При исчислении ставок на древесную массу ТЭС руководствовался не теперешними условиями производства (они давали бы ставку выше 3 руб.

за 100 кгр.); он учел всевозможные улучшения в технике производства древесной массы. Если сравнить эти ставки с довоенными по финляндской границе, то мы увидим, что эти ставки близки к довоенным без учета покупательной силы довоенного и червонного рубля. Исключение составляют лишь ставки на беленую целлюлозу, высота которой объясняется всем известным фактом. В довоенное время хлорная известь стоила за границей 70 коп. пуд, в России от 1 руб. 30 коп. до 1 руб. 50 коп. пуд франко потребляющие фабрики. В настоящее время хлорная известь стоит за границей 1 руб. 35 коп. пуд, а в СССР—6 руб. пуд франко потребляющие фабрики. Следовательно, одна разница в стоимости хлорной извести дает у нас удорожание для беленой целлюлозы на 60 коп. в пуде.

Н. Бельский.

(Окончание следует.)